

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Л. Б. Алаев

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТРУДА БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ ИНДИИ В XIX в.

В индологии довольно распространено мнение, что категория безземельных работников, столь обширная в современном сельском хозяйстве,— порождение сравнительно недавних процессов имущественного расслоения, обеднения и обезземеливания крестьянства. Нередко всех их считают классом наемных работников и связывают с развитием капиталистических отношений. «Существует общее мнение,— пишет, например, С. Дж. Патель,— что в Индии до XIX в. не было скольконибудь значительного класса сельскохозяйственных рабочих. Существовали слуги, помогавшие по хозяйству, но число их было незначительно и они не составляли определенной группы лиц, единственным или главным занятием которых была бы работа на чужой земле, оплачиваемая натурой или деньгами. Появление большого класса сельскохозяйственных рабочих знаменует собой новую форму социальных отношений, возникшую в конце XIX и начале XX столетия в Индии» [9, 54]. В предисловии Г. Г. Котовского к русскому переводу этой книги говорится: «С. Патель пришел к правильному заключению, что образование сельского пролетариата началось в последней трети XIX в.» [9, 4].

В недавней монографии М. К. Кудрявцева, посвященной современной сельской общине в Хиндустане, утверждается, что «профессия, особая социальная категория и кастовая группа харваров (харвахов), т. е. пахарей, могла появиться в индийской деревне, а тем более в системе джаджмани, сравнительно поздно», что «безземельные земледельцы в условиях общинной организации—это уже продукт разложения ее, продукт капиталистического развития деревни» [7, 149, 88].

Не касаясь вопроса о том, в какой степени современные безземельные работники являются наемными рабочими в политэкономическом смысле слова, мы хотели бы обратить внимание на то, что «значительный класс» людей, «единственным или главным занятием которых была бы работа на чужой земле, оплачиваемая натурой или деньгами», существовал в Индии издавна.

В древней Индии (по крайней мере с последних веков до н. э.) значительной прослойкой сельского населения были «наемные работники» — кармакары и бхртаки [см. 8]. Авторы труда «Древняя Индия» посвятили описанию положения этого слоя отдельную главу, в которой отмечают, что «множество людей жило продажей своей рабочей силы», что данных о них «сохранилось больше, чем сведений о рабах» [5, 372]. Г. Ф. Ильин, автор этой главы, резонно объясняет это явление

особенностями хозяйства: «Условия производства требовали, чтобы кроме рабов, которых надо было кормить круглый год, существовали члены общества, которых можно было использовать на короткие сроки и лишь в эти сроки обеспечивать их содержание» [5, 373]. Правда, при этом автор считает, что «наемный труд» употреблялся лишь в крупных хозяйствах, мелкие же удовлетворяли «потребность в дополнительной рабочей силе» «благодаря системе взаимопомощи», но это мнение невозможно доказать на основе имеющегося материала.

В средние века сведения о труде безземельных в чужих хозяйствах сокращаются, но это связано с изменением характера источников, ослаблением их внимания к проблемам ведения хозяйства. В связи с этим падает и внимание исследователей-медиевистов к слою безземельных работников, хотя их наличие обычно упоминается [например, 17, 112; 4, 274—275; 14, 120—122].

В начале колониального периода вновь меняется характер источников. Британские администраторы интересовались, правда, в первую очередь вопросами землевладения и землепользования, но сведения о способах ведения хозяйства, а следовательно, и о труде безземельных также попадали на страницы их отчетов.

Ранние британские материалы многими индологами использовались для характеристики доколониального аграрного строя. Наиболее полное отражение вопросы ведения крестьянского хозяйства нашли в работе Э. Н. Комарова по Бенгалии второй половины XVIII в. Материалы показали, что труд кабальных батраков и поденщиков настолько широко применялся в хозяйствах зажиточных и средних слоев крестьян [6, 56—66], что требовалось теоретическое осмысление причин этого явления в условиях развитой, но все же в основе феодальной Бенгалии. Э. Н. Комаров отнес возникновение этого слоя к последнему этапу феодальных отношений, связав его с развитием товарно-денежных отношений и господством денежной ренты.

Автор настоящей статьи показал, что и в Южной Индии примерно в то же время существовала значительная категория людей, лишенных средств производства, но, следуя теоретической позиции Э. Н. Комарова, отнес ее лишь к концу исследуемого периода, т. е. к XVII—XVIII вв., также связав с распространением денежных рент и еще более умалил значение данного явления, представив положение безземельных работников как временное, как переходное состояние между двумя основными категориями: крестьянином-владельцем и крестьянином-закабаленным держателем земли [2, 115—117].

Между тем феномен безземельности части сельского населения и распространенности «наемного» труда допускал и даже требовал и другого объяснения, на что также указывалось в советской литературе. Так, К. А. Антонова писала: «Особенностью индийского сельского хозяйства было то, что при трудоемких культурах на поливных землях, при крайней примитивности крестьянских орудий труда даже незажиточный крестьянин не всегда мог в страду обойтись только силами своей семьи и должен был порой прибегать к помощи поденщиков». Она же отметила, что подобные «наемные» отношения были не новым явлением в XVIII в., а унаследованным от средневековья: «Эти работники были зависимыми наймитами средневекового типа, а не капиталистическими сельскохозяйственными рабочими» [3, 145].

Интересно, что И. Хабиб, не ставя под сомнение положение о развитии наемного труда в новое время, также должен был искать объяснение существования его прототипа в могольский период в особенностях агрикультуры. Он указывал, что в то время земли было до-

статочны и, следовательно, «среднее крестьянское держание было значительно крупнее, чем сегодня. Крестьянская семья, имея большой участок, должна была ощущать большую потребность во временных рабочих руках в помощь своему собственному труду в такие критические периоды, как, например, время уборки. Эти руки могло дать лишь некрестьянское сельское население» [14, 121].

В последнее время внимание исследователей все больше привлекает XIX век — век предполагаемой перестройки индийского традиционного аграрного строя в колониальный (или полуфеодальный). Задачу определить, насколько изменился удельный вес безземельного трудового населения в течение XIX в. на территории Южной Индии, поставила перед собой Дх. Кумар. Ее задача упрощалась тем, что безземельные работники на юге принадлежали в основном к нескольким крупным неприкасаемым кастам, так что была возможность опереться если не на данные о профессиональной занятости, то по крайней мере на оценки кастовой принадлежности населения. Кроме того, «рабское» положение значительной части трудового населения в Южной Индии оказало исследователю другую услугу. Вопрос о рабстве в британских владениях глубоко волновал общественность Англии в начале XIX в. Было создано несколько комиссий по расследованию «вопроса о рабстве в Британской Индии», в материалах которых имеется много и цифровых данных. Дх. Кумар пришла к выводу, что закабаленные безземельные работники составляли на территории Мадрасского президентства в начале XIX в. 10—15% населения и 17—25% сельскохозяйственного населения. В начале же XX в. их доля в сельскохозяйственном населении выросла до 27—29%, т. е. сравнительно незначительно [15, 191].

Целью настоящей статьи является оценка роли чужого труда, имевшего различное правовое оформление, в сельскохозяйственном производстве в XIX в. на территории современного штата Уттар Прадеш, составлявшего в то время Северо-Западные провинции и Ауд. Мы стремились пользоваться как можно более ранними данными, ограждающими в какой-то мере добританскую практику. Но сведения о положении и особенно о численности этого слоя, относящиеся к первой половине XIX в., чрезвычайно скудны. Достаточно массовые данные появляются лишь с первыми переписями населения в 1872 и 1881 гг. Этими данными пришлось пользоваться широко. Впрочем, они служат в какой-то мере для уяснения вопроса о традиционных формах использования чужого труда, так как сторонники тезиса о недавнем появлении класса безземельных работников относят 1870-е годы к начальному этапу процесса его формирования.

Аграрная экономическая и правовая структура Северо-Западных провинций после первых мероприятий англичан выглядела следующим образом. Собственность на землю была утверждена за мелкими землевладельцами-общинниками (их называли заминдарами, паттидарами, бисвадарами, «партнерами», «дольщиками» и т. п.). В западной части провинции (Верхнем Доабе) общины были крупнее, число дольщиков — больше, каждый из них как землевладелец — мельче. В восточной части (Рохилкханде, Нижнем Доабе и Восточных округах) землевладельцем нередко становилась небольшая группа заминдаров, семья или даже частное лицо. Отчасти сохранилось и крупное частное землевладение (талук, радж), особенно в Ауде, где талукдарам принадлежало от двух третей до пятой части земли разных дистриктов. По отношению к талукдару общины и деревенские заминдары рассматривались как держатели. Последним иногда предоставлялись пра-

ва «подсобственников» или «подчиненных собственников», но чаще держатели земли в талуках рассматривались как арендаторы. Значительная часть земли сдавалась в аренду и мелкими землевладельцами — индивидуально или через общину.

Эти две категории сельского населения — землевладельцы и арендаторы — получили довольно полное отражение в колониальных документах. Известно, что часть землевладельцев (в том числе и мелких) была феодалами, не работавшими на земле. Другая часть мелких землевладельцев была крестьянами. Процент трудового населения среди арендаторов был, конечно, значительно выше, но и среди них были как эксплуататоры, так и «справные» крестьяне, а также бедняки, получавшие часть средств к существованию работой по найму. Подавляющая часть крупных и значительная часть мелких землевладельцев принадлежала к высшим кастам (брахманам, раджпутам, мусульманским кастам), считавшим зазорным трудиться. Кроме того, в составе владельцев, особенно на западе провинции, было много представителей и земледельческих (джаты, курми, лодх) и других средних каст.

Третья группа сельского населения состояла из ремесленников, работников «сферы обслуживания» (прачечников, брадобреев и т. д.), торговцев и ростовщиков. Следует сделать оговорку, что имеются в виду не все члены ремесленных, профессиональных и торговых каст, проживавшие в деревне, а лица, действительно занимающиеся соответствующими профессиями и не связанные с земледелием или скотоводством. Их было значительно меньше, чем членов «неземледельческих» каст.

Упомянутые выше три группы сельского населения охарактеризованы лишь в общих чертах, ибо не они являются в данном случае объектом изучения.

Подробнее мы остановимся на положении четвертой категории — безземельных работников, занятых в сельском хозяйстве. Они находились в разной степени зависимости от сельских хозяев.

Многие чиновники, работавшие в Северо-Западных провинциях, отмечали, что здесь нет рабов. Так, в дистрикте Алигарх коллектор знал лишь одного раба, трудившегося на поле заминдара в деревне Хери Бузури, паргане Секундрарао [23, 117]. Однако в другом источнике чамары того же Алигарха характеризуются как «просто сервы собственников, прикрепленные к земле и отчуждаемые вместе с нею. Право, ни один дольщик не сочтет раздел совершившимся, пока ему не будет выделено определенное число чамаров, пропорциональное его доле в земле деревни» [10, II, 396].

Т. Фортескую в отчете о дистрикте Дели в 1820 г. также заявляет, что рабов здесь нет, но «работники» «рассматриваются как разновидность исключительной собственности, принадлежащей землевладельцам, как что-то вроде постоянной принадлежности земли, которую они призваны обрабатывать. Другими словами, дольщики не могут переманивать их друг у друга, хотя сами они имеют право уйти к другому хозяину» [20, 80].

Весьма похожие сведения о наследственной связи между общинниками-землевладельцами и чамарами-пахарями сообщаются в отчетах по Музаффарнагару [23, 89] и Сахаранпуру [10, II, 225]. Интересно, что эта серия данных относится к западным дистриктам, где большая часть земли была в руках общин земледельческих каст, члены которых и сами не чуждались труда.

В памятной записке Ч. Максвина от 1831 г. говорится применительно ко всему Доабу, что заминдара «пользуются помощью в обра-

ботке земли со стороны других групп общины, чей труд не оплачивается или оплачивается недостаточно» [23, 342].

В Мирзапуре, крайней южной окраине провинции, где землевладельцами были в основном раджпуты, положение работников было идентичным: «Заминдары упорно рассматривают своих пахарей и работников как вид имущества, как сервов по давнему обычаю. Нет более распространённого источника столкновений, чем переманивание одним земледельцем (т. е. землевладельцем.— Л. А.) людей другого» [10, XIV, 49].

Во всех этих случаях мы видим зависимость, базирующуюся только и исключительно на традиции, оформленной в межкастовые отношения. Это служит дополнительным доказательством традиционного, средневекового характера данных отношений. Относительная слабость зависимости с точки зрения типичного рабства или серважа (право уйти), во-первых, практически сводится на нет экономическими факторами — отсутствием у работника средств производства, а во-вторых, сохраняется также в интересах хозяев, которые должны иметь возможность избавиться от серва в трудный или неурожайный год.

В Ауде зависимость чаще принимала экономические формы. Возможно, это объясняется тем, что местные землевладельцы (мусульмане и раджпуты) были сравнительно недавнего происхождения. Захватив землю в XVIII в. или получив ее от наваба в XIX в., они не успели еще установить прочных межкастовых связей с низшими слоями деревни.

В дистрикте Бахрайч работник, нанимаясь в хозяйство, получал некоторую сумму, от 30 до 100 рупий, и становился «наследственным рабом», пока не выплатит ее. За работу он получал шестую часть собранного им урожая, но этого не могло хватить для пропитания семьи из четырех человек [13, I, 146]. В Гонде залоговая сумма равнялась 100—200 рупиям, во всем же остальном долговой раб (савак или харваха) не отличался от собрата в Бахрайче. «Слуга получает долю продукта, обычную для наемного работника, но этого не хватает, чтобы прокормить семью, и время от времени он должен получать мелкие подачки от хозяина, стоимость которых добавляется к сумме долга. Харваха может перепродать себя другому хозяину, если тот согласится выплатить за него сумму долга» [13, I, 516].

Считалось, что хозяин обязан кормить савака вне зависимости от того, есть для него работа или нет. Однако фактически в случае неурожая савак вынужден был уходить искать работу на стороне, в то же время хозяин сохранял право призвать его обратно [13, I, 145].

Кроме наследственных «закупов», в тех же дистриктах были люди, продавшие себя на год за 6—12 рупий в Бахрайче и за 5—10 рупий в Гонде [13, I, 147, 516].

Наконец, имелось какое-то количество сезонников и поденщиков, о которых неизвестно ничего, кроме того, что их положение было еще хуже, чем положение «закупов». Напротив, в дистрикте Файзабад как будто бы преобладали именно поденщики, которых «земледелец» прогонял, если ожидался голодный год, «как губернатор осажённого города высылает всех неспособных сражаться» [13, I, 418—419].

Социально-экономическое положение маздуров (работников) в дистрикте Кхери неизвестно, ясно лишь, что, как правило, они принадлежали талукдарам. Последние одалживали работников своим арендаторам, за что взимали с них помимо традиционной ренты еще дополнительный сбор — маздури, равный одиннадцатой или двенадцатой части урожая [13, II, 178—179].

Сведения о положении работников довольно случайны — их фиксация зависела от доброй воли налогового чиновника или составителя газеттира. То, что определенные категории работников отмечены в ряде округов, не означает, что подобные же, а то и совсем другие, неизвестные нам категории, не существовали в других районах. Так, подлинный документ о продаже себя в «долговое рабство» зафиксирован в дистрикте Горакхпур, где нарративные источники молчат о наличии такого института. Запродажная запись не датирована, но была опубликована в 1837 г. В ней говорится, что человек продал себя с детьми за 51 рупию «для того, чтобы вести плуг и оставаться всегда на месте, чтобы выполнять любой вид работы, который потребуется. Если я оставляю свой плуг или работу на один день, я ответствен золотом весом в одну рупию за каждый день отсутствия. Если я уйду куда-нибудь с целью сбежать, пусть вся моя семья будет схвачена. Если другой человек даст мне большую сумму денег, пусть он уплатит первоначальную сумму и все проценты на нее» [16, 951]. Проценты на полученную сервом сумму равнялись 8 ана в месяц, около 12% годовых.

По-видимому, рабовладельческих отношений в земледелии действительно не существовало. Индийскую разновидность серважа нельзя назвать также крепостничеством. Но все же несомненно, что положение постоянных работников характеризовалось зависимостью — групповой (традиционно-кастовой) или индивидуальной (долговой). Существовал и более свободный труд временных работников. Было бы интересно установить соотношение сервильного и более свободного труда, но это невозможно, да и не столь необходимо. Типологически и «наемные» и закабаленные слуги представляли собой более или менее несвободных, по сути средневековых (в индийских условиях — даже унаследованных от древности) работников. Они не были наемными рабочими в политико-экономическом смысле слова, ибо их существование не предполагало капитала, их труд не был направлен на производство прибавочной стоимости [см. 1, 454—461].

Широкое употребление чужого труда в хозяйствах собственников и арендаторов отчасти объясняется социальными факторами, а именно кастовыми запретами определенных видов труда членам высших каст. Так, из сельскохозяйственных операций наиболее нечистой считалась вспашка почвы, и для многих брахманов и раджутов прикасаться к плугу было грехом. Другие операции тоже, хотя и в меньшей степени, считались недостойными.

Однако значение этого фактора, почти всегда выдвигаемого самими землевладельцами и с их слов британскими чиновниками на первый план, не следует переоценивать. Многие кастовые запреты имеют под собой материальную почву. И в данном случае прав, нам кажется, составитель газеттира Горакхпура, который склонен объяснять не кастовыми правилами привлечение труда пахарей, а, наоборот, возникновение «отвращения» к пахоте тем обстоятельством, что пахари-харваха принадлежали большей частью к самым низшим кастам [10, VI, 402].

Кроме того, чужой труд применялся, хотя, возможно, в значительно меньшей степени, не только в хозяйствах высококастовых индусов, но и на полях членов земледельческих и даже низших каст (если последние имели землю). В этом случае его применение можно объяснить уже только хозяйственными факторами.

Интересны в этой связи расчеты Ф. Н. Райта, бывшего долгое время коллектором Канпура. В одной из своих книг он приводит примерную роспись трудовых операций в трех хозяйствах, условных, но, видимо, достаточно типичных. Делает он это с целью доказать, что по-

давящая часть физического труда падает на землепользователя и его семью, а привлечение чужого труда носит спорадический характер. С нашей точки зрения, интересно, что и при этом тенденциозном подходе автор все же предусматривает употребление чужого труда.

«Возьмите,— пишет Ф. Н. Райт,— чамара с женой и тремя детьми 8, 10 и 12 лет, дайте ему владение в 12 бигха, расположенное в разных местах, чтобы имелись разные сорта земли, и пару быков». Из допущений автора видно, что берется оптимальный вариант: отсутствие грудных детей, несколько подростков-помощников, поля в «разных местах», что позволяет хозяину рассредоточить операции на весь год. Хозяин — чамар, т. е. человек, не гнушающийся никаким трудом и неизменно привлекающий к работе жену и детей.

Из описания следует, что хозяин и члены семьи круглый год (!) делают ту или иную работу по хозяйству. Однако даже в этом хозяйстве семья не успевает прополоть хлопок: надо нанять 11 человек на один день четыре раза за сезон. Очистка поля после осеннего урожая для его обработки под зимнюю культуру производится детьми чамара с привлечением четырех наемников. Джовар должны убирать хозяин, два его сына и 7 наемников. Итак, это хозяйство, поставленное по воле автора в идеальные экономические условия, прибегает к чужому труду в размере 51 человеко-дня в году [27, 76—77].

Другое хозяйство, взятое в качестве примера, принадлежит каччи-садоводу. Каччи также исключительно трудолюбивы и привлекают к труду членов семей. Это более интенсивное хозяйство потребует уже как минимум 298 человеко-дней чужого труда за год [27, 82—83].

В соседнем с Канпуром дистрикте Фатехпур члены касты мураи (очень близкая к каччи каста садовников) в том случае, если они не работают в чужих хозяйствах, а ведут собственное, оказываются наиболее жестокими эксплуататорами. Арендатор-мураи «платит работнику меньше, а требует работы больше, чем любой другой земледелец» [19, 11].

Наконец, Райт берет хозяйство, принадлежащее курми — члену основной земледельческой касты данного района. Этому хозяйству, не считая труда хозяина, его жены и троих детей, потребуется 216 человеко-дней чужого труда [27, 86—87].

Ф. Н. Райт доказал по крайней мере одно — спорадическое применение чужого труда было необходимо в условиях Северной Индии XIX в. во всех без исключения хозяйствах для их нормального функционирования. Это служило экономической основой существования закабаленного труда, который нередко использовался и гораздо шире, чем это диктовала чисто экономическая целесообразность.

Оценка количества сельскохозяйственных безземельных работников затруднена. В переписи 1872 г. «рабочие» были даны единой цифрой, без разделения на сельскохозяйственных и несельскохозяйственных, и таким образом выведены из состава «сельскохозяйственного населения». Другая крупная часть сельскохозяйственных работников, принадлежавшая к ремесленным кастам, попала в соответствующие профессиональные группы. В результате в «сельскохозяйственном населении» остались почти исключительно землевладельцы и арендаторы, а процент «сельскохозяйственного населения» оказался резко заниженным. По Северо-Западным провинциям он составил 56,4 [25, 7].

Немыслимость этой цифры сразу бросается в глаза. Ее совершенную непригодность для использования в буквальном значении показывают хотя бы следующие примеры. Составитель газеттира Лакхнау сравнил процент «сельскохозяйственного населения» с процентом обра-

батываемых земель. Оказалось, что в паргане Биджнаур, где наименьший процент обрабатываемых земель, самая высокая доля «сельскохозяйственного населения», а в паргане Малихабад, напротив, наибольший процент обрабатываемых земель сочетается с самым низким процентом «сельскохозяйственного населения». Объяснение заключается, оказывается, в том, что в Биджнауре имеются «многочисленные деревенские общины, члены которых считают, что вспашка земли собственными руками унизительна для них» [13, II, 336]. Другими словами, высокий процент «сельскохозяйственного населения» обеспечивается включением в него нетрудовых элементов. В Малихабаде положение обратное — больше трудового населения и потому меньше «сельскохозяйственного».

Показательны также цифры по округу Итава, приводимые в отчете 1839 г. В паргане Итава «сельскохозяйственное население» составляло 39,9%. Оно, по мнению коллектора, делилось между высшими и низшими кастами в пропорции 35:65. (Под «низшими кастами» в данном случае понимаются все, считающиеся ниже брахманов, раджпутов и банья.) В соседней паргане Барпура аграрный строй, по-видимому, имел отличия. Там было 66,1% «сельскохозяйственного населения», которое делилось между высшими и низшими кастами как 61,2:38,8 [22, 253, 269]. Видно, что процент «сельскохозяйственного населения» близок к доле высших каст, наиболее непроизводительной части населения, и по существу обратно пропорционален доле непосредственных производителей.

Впрочем, официальная цифра «сельскохозяйственного населения» по переписи 1872 г. не лишена достоинств. Она включает всех землевладельцев и арендаторов, в том числе мельчайших. Тем самым из числа безземельных работников, определением которого мы займемся, с самого начала будут исключены все те, кто работал в чужом хозяйстве в порядке взаимопомощи, а также продававшие свой труд частично и время от времени. Это служит известной гарантией от преувеличения роли «наемного» и закабаленного труда в сельском хозяйстве.

Вычтя из 100% доли «сельскохозяйственного», городского, а также сельского торгово-ремесленного населения, мы должны получить цифру, весьма близкую к искомой — процент полностью безземельных, не имевших других средств к существованию, кроме работы в чужом земледельческом хозяйстве.

Мы отдаем себе отчет в том, что категории «сельскохозяйственно-го» и городского населения несопоставимы. Значительная часть «сельских хозяев» проживала в городах, особенно в мелких. Вычитая последовательно эти две цифры из 100%, мы часть населения вычитаем дважды. Впрочем, это дает еще одно основание надеяться, что роль безземельных не будет преувеличена.

В 1872 г. в городах с населением 10 тыс. жителей и более проживало 7,1% населения Северо-Западных провинций [25]. Эта цифра не учитывает жителей более мелких городов (от 5 тыс. до 10 тыс.) и потому занижена. По данным отдельных дистриктов, где у нас есть обе цифры (для городов с населением свыше 5 тыс. и свыше 10 тыс.), можно заключить, что отнесение к городскому населению жителей населенных пунктов с числом жителей от 5 тыс. до 10 тыс. повышает долю городского населения на 3—4%. В 1881 г. городское население провинции (включая более аграрный Ауд) составляло 9,7% [21, 272]. По всей вероятности, 11% будет достаточно близкой (во всяком случае, не заниженной) цифрой для оценки городского населения в 1872 г.

Определение сельского несельскохозяйственного населения еще бо-

лее затруднено. Широко распространено мнение, что ремесленники и торговцы составляли значительную часть населения деревень. М. К. Кудрявцев, опираясь на современные социологические обследования ряда деревень, считает, что процент несельскохозяйственного населения в индийской общине составлял от 25—30 до 50 [7, 32]. Надо сказать, что общая доля членов торгово-ростовщических и ремесленных каст в 1881 г. составила в провинции 21,3% [21, 303—306]. Это тот максимум, выше которого доля несельскохозяйственного населения не могла быть. Из него следует вычесть торговцев и ремесленников, живших в городах, а также торговцев и ремесленников по касте, являвшихся фактически земледельцами.

Налоговый чиновник в Биджнауре Маркхам писал, например: «Тысячи ткачей, плотников, кузнецов, пастухов, горшечников, цирюльников, маслобойщиков, резчиков по дереву, торговцев и других занимаются сельскохозяйственным трудом» (имеется в виду — в чужих хозяйствах.— Л. А.) [10, V, 296]. Данные о «втором занятии» сельскохозяйственных рабочих в 1881 г. показывают, что многие члены торгово-ремесленных каст, даже если они отчасти сохранили свое кастовое занятие, на самом деле были батраками. Так, 58 713 сельскохозяйственных работников были одновременно парикмахерами. Общая численность наи (касты цирюльников) составляла в провинции 639 957. Чтобы сопоставить эту цифру с первой, ее надо разделить на 4 (среди работников учитывались только работающие мужчины). Получится 159 989. Другими словами, более трети наи не были цирюльниками по основному занятию. Сравнив таким же образом число членов касты лохар (кузнецов — 496 547) и число сельскохозяйственных работников, практикующих кузнечное ремесло в качестве вспомогательной специальности (55 637), мы найдем, что почти половина лохаров не была кузнецами по основному занятию. То же относится к сутарам (касте плотников), дхоби (касте прачечников), кумхарам (касте горшечников) и др. [21, 366].

Учитывая несовпадение предписанного кастой и реального занятия, я думаю, что процент сельского неземледельческого населения должен быть по крайней мере наполовину меньше, чем процент членов торгово-ремесленных каст во всем населении. Предположительно будем считать его равным 11.

Вычтя из общего населения «земледельческое» (56,4%), городское (11%) и сельское торгово-ремесленное (11%), мы получим, что доля сельского земледельческого, но безземельного населения должна была составлять 21,6%. В реальном земледельческом населении, которое, как ясно из изложенного, мы считаем равным 78%, группа безземельных будет в этом случае составлять 27,7%.

К оценке достоверности этой общей цифры по провинции мы вернемся. Теперь же перейдем к рассмотрению материалов по отдельным дистриктам.

Сначала выясним, что дает для порайонного анализа официальная цифра «сельскохозяйственного населения». Оказывается, что среди дистриктов, где доля «сельскохозяйственного населения» меньше 50%, присутствуют почти исключительно районы Верхнего Доаба и Бунделкханда. Меньше всего «сельскохозяйственного населения» в Сахаранпуре и Музаффарнагаре (соответственно 35,3 и 36,5%). Кроме того, из районов Верхнего Доаба в эту группу входят Миратх (42,1%), Алигарх (42,5%), Агра (48,9%), Буландшахр (49,1%), Маттра (49,8%). В Бунделкханде доля «сельскохозяйственного населения» в целом несколько выше: в Джханси — 40,7%, в Хамирпуре — 45,2, в Джалау-

не — 45,8, в Банде — 49,7, в Лалитпуре — 49,8%. Правда, в эту же группу дистриктов с долей «сельскохозяйственного населения» меньше 50% вошло несколько дистриктов из других географических районов провинции. Это Биджнаур (38,0%) — географически часть Рохилкханда, примыкающая к Верхнему Доабу; Дера Дун (48,3%) — дистрикт, примыкающий к Верхнему Доабу с севера; Канпур (48,8%) и Аллахабад (47,3%) — дистрикты Нижнего Доаба, и Бенарес (43,9%), принадлежащий к группе Восточных округов.

Основная часть дистриктов Нижнего Доаба принадлежит к той группе округов, где процент «сельскохозяйственного населения» находится между 50 и 61. Это Фатехпур, Фарухабад, Майнпури, Итава, Ита.

В группе дистриктов с долей «сельскохозяйственного населения» между 62 и 81% находятся основные округа Рохилкханда (Барейли, Шахджаханпур и Бадаун) и восточной части провинции (Азамгарх, Джаунпур, Басти, Горакхпур).

Наибольшая доля «сельскохозяйственного населения» показана для Кумаона (89,5%) и Гархвала (86,0%) (все цифры даны по: [25]). К сожалению, нет сведений такого же типа от 1872 г., относящихся к дистриктам Ауда.

Если предложенный выше способ оценки числа безземельных сельских работников правилен, мы должны ожидать наибольшего их числа в Верхнем Доабе и Бунделкханде, меньше — в Нижнем Доабе, еще меньше — в Рохилкханде и Восточных округах.

Начнем с Верхнего Доаба. В Сахаранпуре в 1816 г. «по крайней мере мукаддамы и высшие прослойки райятов обычно используют чамаров и членов других низших каст при вспашке, сборе и складировании урожая» [24, 204].

В Музаффарнагаре в 1872 г. 54 тыс. взрослых мужчин, не считая женщин и детей, являлись сельскими «наемными» работниками [10, III, 583—584]. Другие категории сельского населения — землевладельцы и арендаторы — составляли соответственно 10 465 и 83 324 взрослых мужчин [10, III, 512]. Таким образом, доля безземельных работников-мужчин во всем мужском сельскохозяйственном населении составляла 36,5%. Если же учесть труд женщин и детей, а также то, что многие владельцы и некоторые арендаторы не принимали участия в физическом труде, реальная доля сельскохозяйственного труда, падавшая на безземельное население деревни в этом дистрикте, по-видимому, намного превысит 40%.

Э. К. Бак в 1865 г. отмечал высокую долю чамаров в населении округа Миратх (15,5% в 1872 г.) [10, III, 260] и выражал уверенность, что они «должны несомненно выполнять значительную часть сельскохозяйственного труда. Однако, — здесь коллектор вскрывает одну из причин невнимания к проблеме труда безземельных, — они находятся до такой степени в тени, что, несмотря на значительную численность, их наличие нигде не отмечается как отличительная черта земледельческого населения» [12, 7]. Позже Э. Аткинсон высчитал, что в 1862 г. неквалифицированных сельских «наемных» работников в Миратхе было 130 тыс. [10, III, 298]. Сравнив эту цифру с количеством самостоятельно «сельскохозяйственного населения» в 1872 г. (204 987 землевладельцев и арендаторов) [10, III, 296], т. е. не учитывая естественный прирост в группе безземельных работников за 10 лет, получим, что на долю последних приходится 38,8% самостоятельного сельскохозяйственного населения.

В дистрикте Дели, входившем тогда в Северо-Западные провинции, в 1820 г. отмечается «значительный слой» работников (камерá! в

хозяйствах тех общинников, которые считали «действительный труд унижительным» [20, 80]. Пытаясь объяснить либеральное отношение хозяев к зависимым работникам, характерное, по его мнению, для района Дели, Фортескью указывает на то, что хозяйства в основном базировались на труде лиц этой категории: «Его (владельца.— Л. А.) земли, может быть, полностью обрабатываются ими, и в его интересах сохранить и увеличить их число любыми приемлемыми способами» [24, 407].

В Буландшахре, по данным 1872 г., было 7299 собственников-неземледельцев, 141 269 земледельцев и 149 819 «пахарей и огородников» (50,2% сельскохозяйственного населения) [10, III, 49—50]. Уже выделение категории «собственников-неземледельцев» показывает, что, как и в Музаффарнагаре, доля безземельных в сельскохозяйственном труде была выше их доли в сельскохозяйственном населении.

Рохилкхандский округ Биджнаур, как мы видели, по проценту «сельскохозяйственного населения» ближе к Верхнему Доабу. Маркхам определяет число полностью безземельных сельских работников здесь в 112 179, т. е. 28,6% сельскохозяйственного населения [10, V, 296].

Остальные дистрикты Рохилкханда не дают материала для исчисления количества работников. Это служит своеобразным подтверждением высказанному выше предположению, что роль труда безземельных в этом районе была сравнительно незначительной.

Нет сведений также по округам Нижнего Доаба. Однако некоторые нарративные источники по Канпуру позволяют заключить, что труд безземельных использовался здесь меньше, чем в Верхнем Доабе. Так, коллектор дистрикта в 1816 г. писал, что здесь «коттер» (cottager) «вместо того, чтобы быть поденщиком, снимает землю и держит свои плуги» [24, 185]. Подтверждение известной распространенности землепользования среди низших категорий сельского населения находим и в более поздних источниках. В газеттире (1881 г.) говорится: «Чамары образуют главную часть работающего населения и 10% земледельцев. В деревнях их называют гаонкама („любимцы деревни“.— Л. А.). За право подобрать колосья на сжатом поле или подчистить ток после молотбы они делают всю работу заминдаров: служат на посылках, носят грузы, пашут, орошают поля и т. д.» [10, VI, 65]. Перекликается с мнением коллектора 1816 г. то, что чамары составляют заметную часть «земледельцев», т. е. арендаторов. Сервильный труд чамаров в чужом хозяйстве также отмечается, но он здесь был, видимо, все же меньше распространен, чем в Верхнем Доабе.

Из шести восточных дистриктов данные о значительном распространении труда безземельных есть только по Мирзапуру. Там, «за исключением мест, где живут некоторые земледельческие касты, работа на полях целиком выполняется сервами из низших каст, таких, как кол, паси и чамар, используемых брахманами и раджпугами-арендаторами, которым обычай запрещает работать самим» [10, XIV, 49]. В 1881 г., по подсчетам автора газеттира, в Мирзапуре насчитывалось 152 883 безземельных работника, т. е. 39,7% самодеятельного сельскохозяйственного населения [10, XIV, 73].

В других восточных дистриктах значение безземельных работников, видимо, было меньшим. В Бенаресе, например, «земледельцы сами делают почти всю работу по вспашке, посеву, уборке и т. д.» [10, XIV, 24]. Низкий процент «земледельческого населения» в данном дистрикте объясняется высокой долей городских жителей. Только в одном г. Бенарес жило 23,5% населения дистрикта. Впрочем, доля без-

земельных работников в округе Бенарес в 1881 г. составила 15,7% сельскохозяйственного самодеятельного населения [10, XIV, 45]. Эта цифра важна как пример роли этой категории работников в районе, где хозяева «все делали сами».

В Ауде в 1872 г. насчитывалось примерно 10,5 млн. населения, из него «сельскохозяйственное» составляло около 6,5 млн., т. е. 62%. Составитель аудского газеттира У. Ч. Бенетт считал, что последняя цифра преуменьшена за счет безземельных работников. Например, по его мнению, большая часть людей, записанных в «ткачи», на самом деле «либо просто сервы, либо поденщики, работающие на земле» и производящие ткани в лучшем случае в перерывах между сельскохозяйственными сезонами. Он оценивает количество безземельных работников в Ауде в 1,5 млн. [13, I, стр. XVI].

Данные о распространенности закабаленного труда заметно преобладают в северной полосе дистриктов Ауда — в Кхери, Бахрайче, Гонде.

Так, в Кхери автор газеттира сделал попытку пересчитать процент «сельскохозяйственного населения» по переписи 1872 г. (64,3%) не по кастовому, а по действительному занятию. У него получилось 78% [13, II, 226]. Разница между двумя цифрами (13,7%) есть минимальная доля безземельных рабочих в дистрикте. Она означает 36,5 тыс. взрослых мужчин, 17,1% мужчин, занятых в сельском хозяйстве.

Относительно Бахрайча нет цифровых данных, но составитель газеттира весьма решительно подчеркивает большое значение труда закабаленных. Здесь «один савак приставлен к каждому плугу», а «каждый второй человек, встречаемый на плодородных полях Хисампура (наиболее южная пригородская паргана.— Л. А.) является саваком» [13, I, 146—147].

В Гонде также «члены высоких каст, таких как брахманы и чхатри, большинство кайястхов и некоторые более состоятельные из низших каст сами не следуют за плугом, но содержат для этой цели, а также для ухода за скотом раба-пахаря» [11, 46; см. также 13, I, 515]. Напомним, что под «рабом» в данном случае имеется в виду долговой серв — савак или харваха.

В других дистриктах Ауда определить роль труда безземельных труднее. Так, в Лакхнау только сельское население (без городов) включало в 1869 г. 43,7% «несельскохозяйственного» [13, II, 336]. Эта цифра вызывает подозрения о весьма крупной доле закабаленных безземельных работников, тем более что в дистрикте отмечается большое число членов низших каст паси (10,6% всех индусов), чамаров (11,2%) и др. Однако официально сельскохозяйственными работниками считались всего 25 тыс. человек (3,6% сельского населения, 6,0% сельскохозяйственного).

В дистрикте Барабанки «лучшая часть арендаторов не работает сама и только тех, кто беден или находится в стесненных обстоятельствах, можно встретить на полях» [13, I, 239].

Положение в Фаизабаде отличалось от ситуации во всех других рассматриваемых районах тем, что здесь, по-видимому, почти совсем не было «сервов», но зато значительная часть сельских работ выполнялась сезонниками и поденщиками. В неблагоприятный год они в массе эмигрировали в окружающие районы, но зато в урожайный ощущалась нехватка рабочих рук, поэтому жалованье наемника здесь было выше, чем в других дистриктах [13, I, 415]. Подавляющая часть владельцев земли в Фаизабаде принадлежала к привилегированным ин-

дусским и мусульманским группам (брахманы, раджпуты, сайиды), которые сами не обрабатывали землю.

В дистриктах Ауада, расположенных полосой вдоль правого берега Ганга (Хардой, Ситапур, Унао, Рае-Барели, Партабгарх), роль поденщиков и закабаленных батраков, видимо, была меньше. Сведений об их численности в нашем распоряжении нет.

Выше мы использовали иногда данные переписи 1881 г. В целом она основывалась в интересующем нас вопросе на тех же принципах, что и перепись 1872 г., т. е. в ней число сельскохозяйственных работников значительно преуменьшено. Однако включение в самодеятельное население работающих мальчиков и более внимательное фиксирование основного занятия позволяют пользоваться этой переписью с большим доверием. В 1881 г. в Северо-Западных провинциях и Ауаде насчитывалось 977 976 земельных собственников, 4 648 042 арендатора, 1 773 321 сельскохозяйственный работник и 1 010 803 «разнорабочих» [21, 354, 386]. Если суммировать две последние цифры (составители переписи сами производят эту операцию), то на долю безземельных работников придется 24,4% сельскохозяйственного населения.

Попробуем, наконец, применить еще один способ исчисления сельскохозяйственных наемников — по численности низших каст. Касты, поставлявшие основную часть работников, нам уже известны. В первую очередь это чамары — каста «кожевников», самая многочисленная каста в Северо-Западных провинциях и Ауаде. Какая-то их часть действительно занималась кожевным промыслом, встречались среди них и арендаторы и даже землевладельцы, но все источники дружно утверждают, что подавляющая часть чамаров — это безземельные работники в чужих сельских хозяйствах.

Кроме того, известно, что в Гонде кроме чамаров «все кори... сами не арендаторы, а долговые рабы членов высоких каст» [11, 97]. В Горахпуре главными кастами безземельных работников являются паси и бхар [10, VI, 402], в Мирзапуре — кол, паси и чамар [10, XIV, 49], в Гхазипуре — бхар [18, 50], в Музаффарнагаре — чамар, сайни, кахар, джулаха и гаро [10, III, 583—584], в Миратхе семь восьмых безземельного населения составляли чамары, а остальные принадлежали к кастам кори, кахар, махи и кумхар [10, III, 298].

Есть сведения и другого рода, противоречащие представлению о тесной связи закабаленного и вообще чужого труда с низшими кастами. Так, в Ауаде «поденщики и кули» принадлежат в основном к тем же кастам, что и землепользователи, если только последние не тхакуры (раджпуты), брахманы или кайястхи [13, II, 338]. В Бахрайче саваки принадлежат к кастам лодх, чамар, кори, курми [13, I, 145]. Лодхи и курми — отнюдь не низшие, а средние земледельческие касты. В Дели сельскохозяйственные работники камера происходили «из всех каст и групп» [24, 406; 20, 80].

Но как раз наличие этих данных позволяет использовать численность низших каст для оценки доли безземельных работников. В эту группу будут включены чамары-кожевники и чамары-арендаторы, а также кори-ткачи, паси-сторожа, кахары-носильщики и т. д., но в то же время это неправомерное расширение числа сельских работников будет перекрываться тем, что из подсчетов будут исключены сельские работники из собственно ремесленных, средних земледельческих и высших каст.

Суммировав численность тех низших каст, которые наиболее часто встречаются среди безземельных работников (чамары, кори, паси, бхары, колы, каччи, кахары, джулаха-индусы, сеори, черу), а также ряде

других мелких каст, в числе традиционных занятий которых в переписи 1881 г. значится «труд на полях», мы получим 11 981 333 человека, т. е. 27,2% общего населения Северо-Западных провинций и Ауда в 1881 г. (44 107 869) [21, 303—306]. Доля этих каст в сельском, а также в сельскохозяйственном населении должна быть выше, а именно более 30%.

Подсчет по кастовой принадлежности, конечно, неточен. В нем содержатся допущения, которые не гарантируют от преувеличения числа безземельных работников. Однако он полезен для оценки возможной численности этого слоя. Кроме того, он указывает, что цифра в 27,7% сельскохозяйственного населения, к которой мы пришли в результате совсем других подсчетов, скорее всего не преувеличена.

Теперь вспомним все то, что в наших операциях по выведению этой цифры было направлено на преуменьшение труда безземельных:

1) вычитание дважды из общего числа жителей группы землевладельцев-горожан;

2) отсутствие учета труда малолетних и женщин;

3) отвлечение от труда в чужом хозяйстве людей, фактически безземельных, но формально имевших собственную или арендованную землю.

Учитывая все это, можно заключить, что в среднем примерно треть сельскохозяйственного физического труда в 1870-х годах падала на работников — чаще всего безземельных и находящихся в той или иной форме личной зависимости от землевладельцев. Эта средняя цифра покрывает районы, довольно резко отличавшиеся по составу сельского населения. Пригималайские дистрикты, по-видимому, вообще сильно отличались от остального изучаемого района. Там было весьма мало безземельных работников. В Нижнем Доабе, южных районах Ауда и в Восточных округах число безземельных работников было ниже среднего и предположительно достигало 20% трудящегося населения. В северных районах Ауда и в Мирзапуре это число должно было быть выше среднего и, по-видимому, достигать 40% самостоятельного населения. Примерно на таком же уровне находилась доля безземельных работников в Верхнем Доабе, но в ряде дистриктов (Музаффарнагар, Вуландшахр, Миратх) они составляли, по всей вероятности, больше половины всего трудящегося в сельском хозяйстве населения.

Детальное сопоставление этих цифр со сведениями о формах землевладения и землепользования не может быть выполнено в пределах данной статьи. Однако следует хотя бы в общих чертах указать, что Верхний Доаб — это район, где в землевладении в XIX в. почти безраздельно господствовала община, в Нижнем же Доабе, Рохилкханде, Ауде, Восточных округах крупное частное землевладение было развито сильнее. Соответственно в пользовании землевладельцев в деревнях Верхнего Доаба находилось в среднем 40—50% площади, а в других районах — 10—20%. Другими словами, употребление чужого труда в хозяйствах оказывается обратно пропорциональным степени концентрации землевладения и распространения аренды земли. Видимо, вполне правомерна постановка вопроса о том, что обширный слой безземельных зависимых работников — это не результат разрушения общины и обезземеливания крестьянства, а традиционная неотъемлемая черта самого индийского общинного строя. Впрочем, доказательство этого положения еще требует многих усилий.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Экономические рукописи 1857—1859 годов,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. 1.
2. Алаев Л. Б., Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв., М., 1964.
3. Антонова К. А., Английское завоевание Индии в XVIII веке, М., 1958.
4. Ашрафян К. З., Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII в.), М., 1965.
5. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф., Древняя Индия, М., 1969.
6. Комаров Э. Н., Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.,—«Ученые записки Ин-та востоковедения», т. XVIII, М., 1957.
7. Кудрявцев М. К., Община и каста в Хиндустане, М., 1971.
8. Медведев Е. М., Karmakara и bhṛtaka. К проблеме формирования низших каст,—«Касты в Индии», М., 1965.
9. Патель С. Дж., Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане, М., 1955.
10. [Atkinson E. T.] Statistical, Descriptive and Historical Account of the North-Western Provinces of India, vol. II, III, V, VI, XIV, Allahabad, 1875—1884.
11. Bennett W. C., The Final Report on the Gonda District, Allahabad, 1878.
12. [Forbes], Settlement Report of the District of Meerut..., 1865—1870, Allahabad, 1874.
13. «Gazetteer of the Province of Oudh», vol. I—III, Lucknow—Allahabad, 1877—1878.
14. Habib Irfan, The Agrarian System of Mughal India (1556—1707), Bombay, 1963.
15. Kumar Dh., Land and Caste in South India. Agricultural Labour in the Madras Presidency during the Nineteenth Century, Cambridge, 1965.
16. Liston D., Translation of a Servitude Bond Granted by a Cultivator over his Family, and of a Deed of Sale of Two Slaves,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. VI, Calcutta, 1837.
17. Moreland W. H., India at the Death of Akbar, London, 1920.
18. Oldham W., Historical and Statistical Memoir of the Ghazipur District, pt 1. Allahabad, 1870.
19. Patterson, Final Settlement Report of the Fatehpur District, North-Western Provinces, Allahabad, 1878.
20. Records of the Delhi Residency and Agency, 1807—1857, vol. I, [Lahore, 1915].
21. Report on the Census of British India taken on the 17th February 1881, vol. I, London, 1883.
22. Reports on the Revenue Settlements of the North-Western Provinces of the Bengal Presidency, under Regulation IX, 1833, vol. II, pt I, Benares, 1863.
23. Selections from the Revenue Records, North-Western Provinces, A. D. 1822—1833, Allahabad, 1872.
24. Selections of Papers from the Records at the East-India House, vol. III, London, 1826.
25. Tupp A. C., The Statistics of North-West Provinces of India, Allahabad, 1877.
26. Whiteway R. S., Report on the Settlement of the Muttra District, North-Western Provinces, Allahabad, 1879.
27. Wright F. N., Memorandum on Agriculture in the District of Cawnpore, Allahabad, 1877.